

Hidden Hope
Иней
на
стыках:
Подземный
город

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иней на стыках

Hidden Hope

Иней на стыках: Подземный город

«Автор»

2026

Норе Н.

Иней на стыках: Подземный город / Н. Норе — «Автор»,
2026 — (Иней на стыках)

Земля замёрзла: океаны скованы льдом, города превратились в ледяные ловушки, а ветер способен убить за считанные минуты. Техногенная катастрофа не просто сломала климат — она стёрла привычные границы между жизнью и смертью. Подземный город стал последним убежищем: здесь воздух фильтруют, воду экономят, а тепло считают главным ресурсом. Луиза, Марк, Леон и Шмыга теперь учатся жить по новым правилам — там, где тишина означает исправную работу генераторов, а скрип металла — возможную беду. Это не история про спасение. Это история про то, как остаться собой, когда весь мир превратился в иней.

© Норе Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Hidden Nore

Иней на стыках: Подземный город

Глава 1

Здесь не было рассвета. Свет включался по расписанию — мягко, не резко, будто кто-то медленно поворачивал рубильник. Луиза давно привыкла к этому: глаза открывались за минуту до того, как лампы набирали полную мощность, будто тело само подстраивалось под ритм бункера.

Она посмотрела на часы. 6:30.

Тихо, стараясь не разбудить Марка, Луиза села на край кровати, потянулась. Встала, набрала воды из крана — тонкая прохладная струйка, ровно столько, чтобы умыться. Плеснула на лицо, проморгалась. Набрала ещё — в небольшую алюминиевую кастрюльку, поставила на конфорку. Чай. Ароматный, листовой. За запасами в бункере следили хорошо, и это всё ещё казалось роскошью, хотя они жили здесь уже несколько месяцев.

Квартира была небольшой, но добротной. В прихожей — узкий коридорчик, крючки для одежды, полка для обуви. Сразу за ним — кухня: обеденный стол на четверых, два стула и скамья, мягкий диван у стены. На столе — чистая скатерть, которую Луиза постирала вчера и повесила сушиться над батареей. На полке под имитацией окна стояли два стакана с ложками и сахарница.

Луиза прошла дальше. Душевая и туалет — за пластиковой перегородкой, чисто, уборку они с Марком чередовали через день. Рядом, в углу — лоток Шмыги. Луиза машинально проверила: чистый, Марк менял наполнитель вчера вечером. Кот любил порядок не меньше людей.

Дальше — детская. Леон ещё спал. Он лежал на боку, подтянув колени к груди, и тёр щёки кулачками во сне, чуть улыбаясь. «Мой маленький малыш», — подумала Луиза и остановилась в дверях, не заходя, чтобы не разбудить.

А Шмыга уже не спал. Он сидел в своей коробке с одеялами рядом с кроватью Леона — пушистый, тёплый, с аккуратно расчёсанной шерстью. Луиза сама его недавно помыла: кот ворчал, но терпел, потому что знал — после этого Леон будет гладить его без остановки, и можно будет свернуться у мальчика под боком и спать сколько хочешь.

Луиза улыбнулась, глядя на эту картину. Она вспомнила тот вечер, когда они впервые устроили Шмыге настоящую «баню» в тазике — Марк держал, Луиза мыла, а Леон стоял рядом и командовал: «Аккуратнее, он же котик!» Кот тогда смотрел на них с таким оскорблённым достоинством, будто не мог поверить, что с ним так поступают. А потом, когда его вытерли и завернули в полотенце, он сразу пошёл к Леону, уткнулся носом в его плечо и замурчал. С тех пор он всегда первым делом шёл к мальчику.

Теперь Шмыга сидел в коробке, чуть поджав лапы, и внимательно следил за дверью, будто охранял сон Леона. Иногда он вытягивал лапу наружу — Леон говорил, что это значит «я тут, всё в порядке».

Иногда к Леону приходила Кристен. По правилам бункера дети перемещались между уровнями только в сопровождении: родитель или охрана. Но если ребёнок оставался с проверенным, добросовестным человеком — родственником, знакомым семьи, — разрешение оформлялось без проблем. Луиза и Марк прошли эту проверку сразу, и Кристен не вызвала никаких вопросов: аккуратная, вежливая, никогда не опаздывала, всегда возвращалась вовремя. Они сидели с Леоном в детской, рисовали, иногда играли в настольные игры, которые удалось сохранить из старой жизни. Шмыга обычно ложился между ними и засыпал, будто хотел, чтобы они никуда не делись.

Луиза вернулась в спальню. Марк ещё спал — его смена начиналась в 8:30, и он мог позволить себе ещё час. Он лежал на спине, одна рука закинута за голову, дышал ровно и тихо.

Их комната была самой тёплой во всей квартире, и Луиза старалась сделать её уютной и домашней. Кровать крепкая, с матрасом и одеялом. Два комода для вещей, тумбочка у изголовья. На стене — имитация окна: световая панель в деревянной раме. Луиза сама сшила шторы — светло-зелёные, с мелкими цветочками, повесила их на тонкий карниз. Под рамой на полке — искусственные цветы в небольшой фаянсовой вазочке. Луизе было важно, чтобы в комнате было что-то живое. Хоть такое. Чтобы глаза отдыхали от серого бетона. Чтобы было за что зацепиться взглядом, когда просыпаешься.

Вода в кастрюльке начала закипать. Луиза вернулась на кухню, достала заварочный чайник — глиняный, тяжёлый, с чуть шероховатой глазурью. Насыпала заварку, залила кипятком. Накрыла полотенцем, чтобы настоялся.

За стеной тихо гудела вентиляция. Ровный, привычный звук — сердцебиение бункера. Луиза прислушалась, как делала каждое утро: гул ровный, без щелчков, без перебоев. Всё в порядке.

Она села за стол, обхватила ладонями керамическую кружку с горячим чаем и смотрела, как пар поднимается к потолку. Тепло растекалось по пальцам. За пределами бункера, наверху, стоял тот же мороз, что и тогда, когда всё началось. Но здесь, в этой маленькой квартире, было тихо, тепло и уютно.

Луиза сделала глоток и закрыла глаза.

Рядом лежал её личный дневник — бордовый, новый, Марк подарил. Старый она уже исписала. Луиза открыла его и записала:

«Доброе утро. День только начинается. Сегодня заказ на пошив пуховиков, скоро привезут материалы. Я уже познакомилась с некоторыми жителями — тут в основном пожилые и взрослые. Детей я видела около тридцати. Я тогда в магазин ходила, а у них как раз урок был — про безопасность.

Мы с Марком теперь сами готовим завтраки, обеды, ужины. Мне это привычнее: когда руки заняты, мысли не крутятся по одному и тому же кругу. Всё началось с Эшли. Я заметила, что её кофта совсем протёрлась на локтях, и связала ей новую — с тем самым узором, который помнила с детства. Пряжа была грубоватой, но вязка получилась плотной, будто щит. Эшли сперва растерялась, а потом надела и провела ладонью по рукаву. Простое „спасибо“ прозвучало в коридоре так отчётливо, будто каждое слово легло на пол тяжёлой тенью. А вечером она принесла узелок — молоко, яйца, хороший кусок мяса. Не как плату, а

как ответ. Так между нами и пошло: не сделка, а уважение. В бункере это держится крепче любого договора».

Луиза дописала в дневнике последнюю строчку, закрыла его и убрала на полку. Допила чай, накрыла на стол. Время шло, и вскоре Марк уже проснулся.

— Доброе утро, дорогая, — тихо сказал он, поцеловал Луизу в щёку и ушёл в душевую.

Луиза отправилась будить Леона. Мальчик сонно потёр глаза, зевнул, а потом улыбнулся — будто даже утро становилось светлее от этой улыбки.

На завтрак сегодня был омлет, булочки и чай. Шмыга уже крутился у ног, кончик его хвоста подрагивал от нетерпения. Луиза насыпала ему корма, а сверху добавила немного варёной кукурузы и кусочек варёного мяса.

— Ну, не ворчи, ты и так знаешь, что тебя любят, — шепнула она. Кот фыркнул, будто принял это как должное, и тут же уткнулся в миску.

Марк тем временем доел, надел рабочую форму — тёмно-серую, с нашивкой службы жизнеобеспечения — и подошёл к Луизе.

— Сегодня на 35-м что-то с вентиляцией, — негромко сказал он. — Могут звать вниз.

Луиза поняла его.

— Будь осторожен, — только и сказала она, чуть крепче сжав его рукав.

Он улыбнулся, обнял её.

— Обязательно.

И вышел. Дверь тихо щёлкнула за ним.

Луиза собрала Леона в школу: тёплая кофта, альбом, пропись.

Леон поправил рюкзак — тот был чуть великоват, лямки съезжали, и он привычно подтянул их, прижав альбом к груди.

— Всё, я готов, — серьёзно сообщил Леон, глядя на маму.

Она поправила ему воротник, улыбнулась.

— Тогда пошли. Сара уже ждёт.

Они вышли в коридор и направились в класс. Мимо шёл Лукас с ящиком овощей и зелени.

— Доброе утро! — сказал он, улыбнувшись.

— Я разношу продукты по квартирам, где живут старые люди и те, кто не может выходить сам, — добавил он.

— Ты молодец, — ответила Луиза. — Мы идём на занятия, — улыбнулась она.

— Лукас, приходи сегодня в гости! — крикнул Леон. — Будем рисовать!

Лукас кивнул, подмигнул и пошёл дальше.

Луиза проводила Леона до двери класса, дождалась, пока он войдёт, и помахала ему рукой. Она уже собиралась уйти к себе, когда в коридоре появилась Сара.

— Привет, дорогая, как дела? — спросила Сара.

— Всё хорошо, — ответила Луиза. — Мы постепенно привыкаем к новой жизни. У меня есть работа — я швея, и это всегда пригодится.

— Это точно, — кивнула Сара. — Я тоже привыкаю к своей роли учителя. У меня в классе десять детей от шести до десяти лет. Мы учим их разным вещам: что такое холод, как правильно одеваться, как вести себя.

Сара немного замялась, словно хотела сказать что-то ещё, но затем продолжила:

— Сегодня, например, мы обсуждали, можно ли есть снег. Я объяснила, что это опасно, потому что может привести к простуде. Дети сначала не соглашались, но потом поняли. Мы договорились, что снег можно только смотреть и трогать, но не есть.

Луиза улыбнулась:

— Теперь они точно не забудут.

— Надеюсь, — сказала Сара. — Мы также учим их застёгивать куртки, не терять перчатки и соблюдать правила в бункере. Например, не шуметь на переходах и не бегать по лестницам, если свет мигает. Нужно остановиться и подождать. Я стараюсь объяснять это так, чтобы дети чувствовали себя в безопасности и не боялись.

— Я понимаю, — тихо сказала Луиза. — Это действительно важно. Здесь дети, которые родились в бункере, не знают, что находится наверху.

Сара кивнула, словно для неё было важно, чтобы её поняли.

— У нас хорошо оборудованы школы, — продолжила Сара. — Дети разделены по возрастам. Моя Кристен ходит к мистеру Тони, который до катастрофы был учителем. Он ведёт группу детей одиннадцати–тринадцати лет. Он хороший человек.

— Я познакомилась с воспитателем группы для детей от трёх до пяти лет — Клейси Кларк. Она добрая женщина и отлично справляется, — добавила Луиза.

— Да, да, — ответила Сара, улыбаясь. — А вот Эндрю учит детей с четырнадцати до семнадцати лет. Он занимается с ними основами счёта и фермерством. Он волевой и грамотный, знает толк в выживании.

— Я рада, — сказала Луиза. — Сара, увидимся позже. Мне нужно бежать, заказы ждут.

— Конечно, иди, — Сара мягко коснулась её плеча. — Увидимся позже.

Сара улыбнулась, развернулась и скрылась за дверью класса.

Луиза постояла секунду, кивнула сама себе и пошла к лестнице.

Луиза закрыла за собой дверь и на секунду просто постояла. Тишина была не звенящей, а нормальной, домашней: никто не ждёт, что ты прямо сейчас сорвёшься и побежишь. Можно выдохнуть.

В зеркале мелькнуло её лицо. Она поправила волосы. Кудрявые. Пряди тёплые, светлые, как кусочек солнечного дня. Кожа здоровая. В глазах блеск. Она стала увереннее, спокойнее. Луиза улыбнулась сама себе. И отправилась шить.

На столе лежали отрезки: плотная серая ткань для пуховика, кусок оливкового брезента на усиление локтей и плеч, полоса грубого трикотажа для манжет. Всё не новое, но добротное. На полке привычно стояли катушки: чёрные, синие, одна коричневая — под цвет брезента. Рядом сантиметровая лента, ножницы с чуть стёртыми насечками, иглы в коробочке. Всё там, где должно быть.

Выкройка уже лежала сверху, углы прижаты обрезками ткани. Луиза достала мел, провела линии по ткани — чётко, без размашистых штрихов: лишний расход нельзя. Первый заказ — пуховик. Потом куртка, потом рукав на ремонт. Мерить, кроить, шить.

Машинка стояла тут же — добротная, надёжная, тянет ровно, без рывков. Луиза проверила нить, прокрутила колесо. Первая строчка пошла легко, стежки легли ровно, один к одному.

Между строчками делала короткую паузу, проверяла, не морщит ли ткань, и, если надо, чуть подтягивала. Потом снова вперёд, ровно, до края детали. Когда дошла до места под молнию, остановилась, прикинула, как ляжет планка, и поставила пару булавок.

А потом взялась за пуговицы. Наметила точки мелом, ровно по разметке, чтобы не перекашивало. Пришивала вручную, стежок к стежку, крепко, но без перетягивания. Узелок делала маленький, прятала под пуговицу.

За стеной день тускнел, а на столе уже не куски ткани, а почти готовые детали: спинка с простроченными швами, рукава с укреплёнными локтями, капюшон с кулиской.

Марк продолжал свою работу. Он тщательно проверял вентиляционные системы, внимательно осматривал все стыки. В коридоре стоял запах пыли, старой смазки и озона, как будто где-то тихо потрескивали контакты. Воздух здесь был густым и неподвижным, словно сам бункер лениво дышал через узкие щели.

Марк передвигался по узкому техническому коридору, касаясь плечом холодного металла. Он цеплялся за металлические скобы, подтягивался и изо всех сил вытягивался, чтобы заглянуть под вентиляционный короб. Его пальцы быстро покрылись серым налётом, который не смывался даже после нескольких попыток с мылом. Зажав карандаш в зубах, он обеими руками проверял крепления, дёргал детали и слушал глухие звуки металла.

Он делал схемы, аккуратно рисуя карандашом на бумаге. Линии ложились ровно, словно он упорядочивал хаос. В журналах появлялись чёткие записи: давление, температура, места с возможными дефектами.

Марк быстро нашёл общий язык с бригадой. Одни были пожилыми, с усталыми, но внимательными глазами, другие — молодыми, торопливыми, но старательными. Он внимательно слушал, наблюдал и запоминал, кто на что способен. В целом, это были нормальные люди.

Но был и Отто Крейс.

Пожилый, жилистый, с поджатыми губами и взглядом, будто говорящим: «Я это уже делал, когда ты ещё пешком под стол ходил». Он работал в бункере с самого начала и считал, что никто не делает всё правильно. Особенно новичок, который появился невзвесть откуда и сразу начал лезть в технику.

— Зачем ты так затянул? — спросил Отто, наблюдая за Марком, который затягивал крепление на 35-м этаже. — Если перетянешь, сорвёшь резьбу. Здесь не наверху, запчастей нет.

— Знаю, — ответил Марк, не отрываясь от работы. — Чувствую.

— Чувствует он, — фыркнул Отто. — Молодёжь. Всё на интуиции, а потом клапан заклинит.

Марк промолчал. Он проверил детали, затянул крепления и снова перепроверил.

Только когда стрелка манометра остановилась на нужном значении, он с облегчением выдохнул.

Отто наблюдал за стрелкой, хмыкнул и молча ушёл.

К концу смены Марк с трудом разогнулся. Его спина ныла, пальцы были в ссадинах, а под ногтями въелась серая пыль, ставшая частью его рук. Сняв перчатки, он сунул их в карман и медленно пошёл к лестнице. Ему хотелось домой, сесть и просто посидеть в тишине.

Марк вернулся домой к Луизе.

Она приготовила рис на пару, гуляш и отварную морковь. Порции небольшие, но всё было аккуратно разложено по тарелкам — рис пышный, гуляш ароматный, морковь яркая. Пахло так, что Марк остановился в дверях на секунду, просто вдохнул.

— Ну наконец-то, — Луиза обернулась, вытирая руки. — Я уже думала, ты там ночуешь.

— Отто Крейс, — сказал Марк вместо ответа и сел за стол.

— Опять? — Луиза нахмурилась, но с улыбкой, как будто уже привыкла.

— Опять. Затянул крепление — ему мало. Переделал — всё равно мало. Я ему, знаешь, что сказал? «Чувствую». Ты бы видела его лицо.

Луиза фыркнула, подавая ему воду.

— Чувствует он. Отто, наверное, чуть не задохнулся.

— Почти, — Марк усмехнулся. — Но стрелка встала ровно, и он молча ушёл. Это у него значит — победа.

Луиза посмотрела на его руки — серые под ногтями, ссадины на костяшках. Потрогала его запястье, тихо, без слов, и вернулась к своему месту.

— Спина?

— Спина, — кивнул Марк. — Но ты меня кормишь, так что переживу.

В углу комнаты Леон рисовал с Лукасом. Оба склонились над листом, локти врозь. Лукас что-то объяснял, водя пальцем по рисунку. Леон пыхтел, зачёркивал, переделывал. Шмыга сидел рядом на краю кровати, поджав лапы, и мурчал — ровно, негромко, как маленький моторчик.

— А тут, кстати, у нас успехи, — Луиза кивнула в их сторону. — Лукас учил Леона кружочки рисовать. Тот так старался — язык высовывал.

Марк оглянулся. Леон именно сейчас высовывал язык от усердия, полностью поглощённый своим шедевром.

— У тебя талант, сынок, — сказал Марк.

Леон не обернулся. Только махнул рукой — не отвлекай.

— Вот видишь, — Луиза тихо засмеялась. — Художник. Ему некогда.

Вдруг раздался стук в дверь.

На пороге появилась Сара, держа в руках корзинку с тремя яблоками.

— Привет, — поздоровалась она.

— Проходи, — ответила Луиза, улыбнувшись и освобождая место за столом.

Они выпили чаю и поболтали о своём, о женском. Марк сидел рядом, почти не слушая их разговор, но это было даже к лучшему: тихие голоса, ароматный чай и мурлыкающий кот создавали уютную атмосферу.

Когда Сара собралась уходить, Луиза собрала чашки и вытерла стол.

Марк отнёс Леона обратно в постель и укрыл его. Шмыга мгновенно запрыгнул на кровать и свернулся в клубок. Луиза погасила свет.

Наступила тишина.

Пока подземный город спал, на шестом этаже горел свет.

Вивьен и Карина сидели в кабинете — журналы, папки, две кружки остывшего чая. Обсуждали ремонт в столовой. Столы покрасить, стулья обтянуть тканью — свежей, не той, что протёрлась до ниток. Старую духовку — заменить. Поставить ещё одну, новую. Вытяжку поменять — старая гудела так, что Хелен не слышала собственного голоса.

Вивьен сверилась со списком. Провела пальцем по строкам — материалы, люди, сроки. Всё ли хватает?

— Так, — сказала она. — Завтра группа во главе Хариса и Тими выходит на поверхность. Десять километров — склад. Там материалы, еда, одежда. Всё, что смогут унести.

Карина кивнула, делая пометку в журнале.

— Хорошо. Благо сейчас минус пятьдесят — пройти ещё можно. Метели нет.

— Пока метели нет, — повторила Вивьен. — Задание Марку и его команде — пусть выйдут, проверят ветрогенератор. Расчистят всё, что намело. И ещё: моя охрана установит зонд над бункером. Отец его четыре года разрабатывал. Четыре года чертил, считал, собирал, тестировал. Температура, давление, состав воздуха, радиационный фон — всё, что нам нужно знать о поверхности. Без него мы вслепую.

Карина подняла глаза.

— Зонд — это серьёзно. Сколько людей нужно на установку?

— Сколько скажут — столько и будет. Но строго в тёплых костюмах. Все. Без исключений. — Вивьен посмотрела на Карину. — Это не просьба.

— Принято, — ответила Карина.

Вивьен откинулась на спинку стула.

Бункер спал — тысячи людей, каждый в своей комнате, каждый в своём сне.

Утро ударило по бункеру не светом, а холодом — он просочился сквозь стыки ещё до рассвета, будто сам мир хотел вытолкнуть их наружу. Ровно шесть тридцать. Харис стоял у двери, и даже в двойных перчатках пальцы уже ныли от этой злой тишины. Он проверял снаряжение с механической точностью: не потому что сомневался, а потому что любое сомнение сейчас было роскошью, которую нельзя себе позволить. Тими держался рядом: молчаливый, собранный, привычный до скрипа в костях.

Группа — шестеро. Не просто крепкие мужики, а те, кто знал: здесь сила — не в мышцах, а в том, чтобы не сломаться на десятом километре. Рюкзаки были громоздкими и тяжёлыми, ремни врезались в грудь и пояс, будто напоминая, что путь не будет лёгким. У каждого — лыжи, термос, верёвка, фонарь, запасная одежда, аптечка. Поверх — утеплённые костюмы, толстые, будто бронированные, с капюшонами, мехом, двойными манжетами: холод не должен был пролезть ни единой щелью. Лица скрывали маски — только узкие прорезы для глаз, в которых читалась одна мысль: «Только бы дойти». Сани — две штуки, намертво привязанные к рюкзакам. Готовились тащить столько, сколько выдержат, а не столько, сколько хочется.

Харис обвёл группу взглядом — коротко, без лишних эмоций. Ему нужно было увидеть не покорность, а готовность, и он её находил.

— Десять километров на север, — голос Хариса звучал жёстко, без прикрас. — Склад — бывший логистический центр. Стоит на возвышении, его не завалило. Двери стальные, но замок я знаю. Внутри — материалы, еда, одежда. Берём столько, чтобы ноги не подломились на обратном пути. Лишний вес здесь не жадность — это приговор.

Тими щёлкнул кнопкой рации — короткий писк отозвался в ушах, как удар хлыста. Связь есть. Он сунул рацию во внутренний карман и коротко кивнул: «Всё чисто».

Охранник набрал код — глухой щелчок прозвучал почти издевательски буднично. Дверь с натужным скрежетом поползла в сторону, будто сопротивляясь, не желая выпускать людей в эту белую ярость.

И холод ударил — не как воздух, а как твёрдое, плотное нечто, что вломилось в лёгкие и намертво там застряло. Маски мгновенно покрылись инеем, превращая мир в мутную, слепую пелену, где даже собственная рука казалась чужой.

Снаружи царила злая пустота. Небо и земля слились в единую мутную массу — без горизонта, без намёка на границу, будто мир стёр все ориентиры, чтобы сломать их. Снег лежал пластами: твёрдый, ноздреватый, похожий на замёрзшую пену, которая хрустела под лыжами и будто издевалась: «Попробуй пройди». Каждый шаг отдавался болью в коленях, плечах, шее — в каждой уставшей мышце.

Харис вышел первым. Остальные потянулись гуськом, ступая точно в его следы: не из уважения, а из необходимости. Каждый лишний сантиметр рыхлого снега мог стоять сил, которых и так почти не было. Капитан впереди — не титул, а обязанность, которую никто не хотел брать, но все знали, что она должна быть.

Идти было тяжело — так тяжело, что мысли сузились до одного: следующий шаг. Ветер бил в лицо: злой, колющий, боковой, он забивался под капюшон, пробирался в каждую щель, царапал кожу, будто хотел содрать её. Минус пятьдесят — это не цифра, это приговор телу: сначала немеют пальцы, потом нос, потом колени, и ты идёшь, не чувствуя ничего, кроме острой необходимости сделать ещё один шаг, потому что остановиться — значит сдаться.

Через полчаса Харис резко поднял руку — без лишних жестов. Все замерли. Говорить на таком холоде — роскошь, которую нельзя себе позволить: каждое слово — выдох тепла, которое уже не вернуть. Тими достал термос, разлил по кружкам горячий, сладкий, почти сиропный напиток. Пили через край, не снимая масок, чувствуя, как тепло на секунду обжигает горло — и тут же растворяется в ледяном воздухе, будто его и не было.

Дальше. Снег становился глубже, будто сама земля хотела их задержать. Харис держал маршрут, ориентируясь по остовам зданий, по бетонным столбам, торчащим из снега, как обломанные кости. Они были его маяками в этой белой слепоте, единственными свидетелями того, что мир когда-то был другим.

Ещё через два часа остовы зданий исчезли. Осталась только пустота — белая, злая, равнодушная. Их собственные следы уже припорошило, будто мир хотел стереть само их присутствие. Сбоку из снега проступил остов заправки: бетонный навес, колонны, стены, наполовину целые, будто застывшие в крике.

— Передохнём, — бросил Харис.

Зашли под навес. Тими разогрел воду на сухой горелке — пламя шипело, будто злилось на холод. Каждому досталась кружка кипятка и сухарь. Пять минут — не на отдых, а на то, чтобы вернуть телу намёк на тепло. И снова в путь.

К вечеру впереди выросла эстакада — остатки моста: бетонная плита на колоннах, нависшая над руслом. Под ней — сухая пустота, заслон от ветра, который хоть ненадолго давал передышку.

— Стоим здесь, — сказал Харис, и в его голосе не было ни просьбы, ни надежды — только факт, который нельзя оспорить.

Ночь накрыла их тяжёлым, плотным покрывалом. Настоящая, не бункерная — без единого огонька, без намёка на жизнь. Один фонарь на минимальном режиме выхватывал из тьмы только куски реальности: плечо, край капюшона, столбик снега, летящего по ветру. Спали вполглаза, по очереди. Тими не спал первым — сидел у края, вслушиваясь в вой ветра, будто пытался угадать, не готовит ли он новую атаку.

На рассвете Харис поднял всех одним жестом — тронул за плечо. Поели на ходу: сухари, остатки горячего из термоса. И снова вперёд, в эту злую белизну, которая будто ждала их возвращения, чтобы ударить ещё сильнее.

Склад появился внезапно — будто из белёсой мути вынырнул угрюмый силуэт: длинное приземистое здание из бетона, с глухими стальными воротами, которые выглядели так, будто

хотели сказать: «Вам сюда нельзя». Харис снял перчатку — пальцы тут же обожгло холодом — и провёл по замку. Лёд покрыл металл коркой. Он плеснул спиртом — лёд зашипел, будто обиделся. Ключ на шнурке достал из внутреннего кармана, провернул — тяжело, с хрустом, будто замок сопротивлялся. Дверь поддалась.

Внутри было темно, сухо и тихо — тишина казалась почти враждебной, будто само помещение знало, что люди пришли не за добром, а за выживанием. Харис включил фонарь: луч метнулся по стеллажам, выхватывая из тьмы ящики, коробки, мешки. Всё на месте.

— Грузимся, — коротко бросил он, и в этом приказе слышалось облегчение, смешанное с усталостью, будто он боялся поверить, что они добрались.

Работали быстро, молча, слаженно. Тими считал про себя, кивая на каждый ящик. Консервы грузили ящиками в сани, инструменты — в рюкзаки, ткань укладывали поверх консервов, одежду — между ящиками. В дальнем углу Харис нашёл ящики без маркировки — с медикаментами: бинт, антисептик, ампулы. Тими кивнул: «Берём».

Через два часа они вышли. Рюкзаки были набиты до предела, сани гружены так, что полозья врезались в снег. Обратный путь держали молча. Харис шёл впереди, прокладывая тропу заново — теперь она давалась тяжелее, потому что каждый шаг стоил усилий. Тими замыкал строй, прикрывая тыл и вглядываясь в белую пустоту, будто ждал, что она бросится на них.

К эстакаде добрались к вечеру. Ночь. Утро. И последний рывок — четыре километра, которые казались вечностью. Бункер вырос из белизны сначала тёмной точкой, потом стеной, потом дверью — как обещание тепла, которое нужно было заслужить.

Рюкзаки и сани сняли у двери. Харис посмотрел на свои руки: пальцы были красными, с белыми пятнами. Обморожение первой степени — не смертельно, но больно. Это цена, которую он знал, что заплатит.

— Все целы? — спросил он, и голос прозвучал хрипло, будто впервые за день.

— Все, — ответили за всех, и в этом слове было столько облегчения, что оно почти согрело.

Пять дней их не было. Пять дней белая пустота пыталась стереть их следы, заглушить их голоса, сломать их волю.

В тот же день, когда Харис ушел, Марк собрал свою бригаду. Четверо ребят из службы жизнеобеспечения, двое постарше, двое помоложе. Плюс сам Марк, итого пятеро. Взяли лопаты, ломы, верёвку и фонари.

Перед дверью ждали двое охранников в утеплённых куртках с рациями. Вивьен сказала им: "Сопровождайте, помогайте". Семь человек.

Подшли к ветрогенераторам. Код, щелчок, скрежет. Холод как всегда. Три ветряка стоят к западу от бункера, на возвышении. Стальные мачты по двадцать метров, стоят в ряд, между ними сотня метров. Их ещё строители ставили. Марк нашёл их через год после переезда — обледенелые, но рабочие. С тех пор он их поддерживает.

До первого ветряка полчаса. Сугроб у основания метра три, плотный. Подъёмник обледел. Марк и двое ребят с лопатами взялись за сугроб. Охрана растянула верёвку для страховки. Остальные кололи лёд на подъёмнике. Через час всё расчистили. Марк поднялся, постучал по лопастям, спустился, проверил генератор. Включил. Загудел. Лопасты закрутились.

Второй ветряк — быстрее. Руки уже привыкли. Сугроб за сорок минут, лёд за двадцать. Генератор в порядке, работает.

На третьем ветряке подъёмник заклинило. Трос обледенел. Один из старших, с крепкими руками, сел, достал отвёртку и плоскогубцы. За десять минут трос заработал. Марк поднялся, проверил лопасти, спустился, включил генератор. Работает.

Три ветряка гудят. Марк постоял, послушал.

— Всё, — сказал он.

Обратно шли час. Один из молодых ребят потёр нос и скривился. Кончик белый.

— К врачу, сейчас же, — сказал Марк.

Парень ушёл, спорить не стал.

В столовой третий день продолжались ремонтные работы.

Столы сдвинули к стенам и накрыли серым брезентом. Стулья обтягивали плотной рыжей тканью, которую Харис заранее привёз со склада. Ткань закрепляли степлером, натягивали и приглаживали.

Хелен молча наблюдала за процессом, стоя у входа. Она сложила руки на животе и не вмешивалась, не давая никаких советов. Когда внесли новую стальную духовку с двойным стеклом, Хелен одобрительно кивнула и принесла две чашки чая. Она поставила их на край стола, ничего не говоря.

Менять вытяжку взялись те, кто знал, как это делать. Старая гудела настолько громко, что Хелен не могла услышать собственные слова. Новая вытяжка, компактная и оснащённая фильтром, была в два раза тише прежней.

К четвёртому дню столовая заметно преобразилась. Столы стали чистыми и гладкими. Стулья были обтянуты тугой тканью. В помещении установили две духовки: новая работала ровно, а старую заменили. Вытяжка теперь функционировала тихо. Пол вымыли, но ещё оставалось завершить работу с четырьмя стульями и старым разделочным столом, который, по словам Хелен, качался.

На ферме всегда лето. Шестнадцать часов света под лампами — и растения тянутся вверх, не зная, что солнца больше нет. Лукас приходит первым, уходит последним. Он не скучает — здесь слишком много работы, чтобы скучать.

На этом уровне трудят восемь человек. Они не просто выполняют работу — вкладывают в неё всё, что у них осталось. Трое из них — опытные фермеры, знавшие землю, дождь и солнце. Они молчаливы, и Лукас не тревожит эту тишину: в ней слышно прошлое. Пятеро — молодые, до катастрофы не державшие в руках мотыгу. Но учились быстро: здесь цена ошибки слишком высока.

Грунта здесь много. В первые недели, пока снег окончательно не затвердел, успели завезти тонны — тяжёлые, влажные, с запахом, который будто вытаскивал из памяти что-то давно забытое. Этого хватило на грядки, даже с избытком. Остальное выращивают на гидропонике: трубы, поддоны, растворы, которые Лукас сам готовит, сверяясь со старинными табличками. Вода, минералы, микроэлементы — не земля, но растения растут. Если и жалуются, то своим способом: пожелтевшие листья — признак нехватки азота, скрученные говорят о недостатке калия, вялый стебель указывает на неправильную температуру.

Капуста — его гордость. Она не похожа на ту грубую и плотную, что росла на поверхности. Это новая разновидность, выведенная здесь, под лампами. Четвёртый месяц Лукас отбирает лучшие ростки, пересаживает их в отдельный поддон, меняет раствор и регулирует освещение. Из десяти выживают только три-четыре — остальные погибают, и он безжалостно их убирает. Оставшиеся становятся крепкими: листья сочные, светло-зелёные, хрустящие, кочаны небольшие, но плотные, словно набитые изнутри. Вкус — чистый, без примесей жестяной банки. Лукас откусил первый лист и закрыл глаза: это был вкус, которого он не чувствовал семь месяцев. Вкус еды, которая растёт, а не достаётся из хранилища.

Помидоры более капризны. Им нужно больше света и тепла. Лукас увеличил температуру на два градуса, и вентиляция загудела громче, будто ворчала на него. Помидоры тянутся вверх, тонкие и хрупкие, словно не верят, что имеют право жить. Он подвязывает их к кольшкам мягкой верёвкой, стараясь не пережать стебель. Стебель помидора — как нерв: пережмёшь — и всё.

На третьей неделе появились цветы — маленькие, жёлтые. Лукас остановился посреди зала и смотрел на них. В бункере цветы — это не просто цветы. Это доказательство того, что здесь возможна жизнь, а не просто выживание.

Фруктов пока нет, но Лукас уверен, что они появятся. Может, через месяц, а может, через два. Он не спешит. С растениями нельзя торопиться: либо ты даёшь им всё необходимое, либо не даёшь вовсе.

Свёкла растёт молча и упорно. Ей не нужны особые условия — дай землю, воду и свет, и она будет расти. Лукас сажает её в грунт. В гидропонике свёкла получается водянистой и пустой, а в земле она плотная, тёмная и сладковатая. Фёдор однажды сказал: «Свёкла как мы — ей нужно твёрдое, за что можно держаться». Лукас согласился.

Картофель — самый упрямый. Лукас выращивает его из глазков — крошечных ростков на старых, сморщенных клубнях. Он осторожно вырезает их вместе с мякотью и сажает глубоко, на пять-шесть сантиметров. Картофель растёт под землёй, что в бункере кажется почти насмешкой: они все живут под землёй, и он тоже. Только картофель не знает об этом и продолжает расти — тихо, медленно, набирая массу в темноте.

Урожай невелик — по три-четыре клубня с куста, размером с яйцо. Но он добротный: кожура тонкая, мякоть белая и плотная. Лукас сортирует клубни прямо у грядки. Самые ровные и крепкие откладывает в отдельный ящик — на посадку в следующем цикле. Лишь часть относит на кухню. Хелен берёт эти клубни, кивает, и через час по коридорам разносится аромат варёной картошки.

День у Лари начинался с обхода. Каждый уровень, каждое помещение, каждый хвост и каждое ухо. Он шёл быстро, почти не хромя — нога зажила за последние месяцы, осталось лишь привычное подёргивание при долгой ходьбе, и то к обеду проходило.

Квартира на двадцатом этаже была угловой, тёплой, с отдельным входом из санитарной зоны. Не люкс, но для бункера — привилегия, которую Карина выбила специально. Она тогда твёрдо сказала: «Ветврачи у нас — люди ценные. Животные, птица, скот без вас встанут. Так что я не экономлю».

Две комнаты, душ, кухня. Полки с медикаментами, журналы, старые справочники по ветеринарии — потёртые, с закладками на самых потрёпанных страницах. На стене — схема кровообращения собаки, приклеенная скотчем. На крючке у двери висел рюкзак.

Буч спал у кровати, положив морду на лапы. Грей — на одеяле в углу, свернувшись калачом. Утро у Лари всегда начиналось с них. Он опускался на корточки перед Бучом, ощупывал суставы, раздвигал шерсть на загривке.

— Живёшь. Только не лезь в мусорную шахту. Знаю, что лезешь.

Буч вилял хвостом и не признавал вины ни на грамм. Лари хмыкнул. С этим псом всё было понятно: любовь и упрямство пополам.

Потом — Грей. Спокойный, с умными глазами, будто знавшими все секреты бункера. Лари клал руку ему на бок, считал дыхание. Грей вздыхал глубоко, будто весь день ждал именно этого прикосновения.

Дальше был обход. Куры на одиннадцатом: гребень, перья, живот. Бледный гребень — анемия, взъерошенные перья — стресс, сидит в углу — беда. Одну несущку он вытащил — клоацит. Обработал мазью, вернул на место.

— Завтра будешь нестись как положено.

Кролики в клетках его работы разводились лучше всех. Он считал их раз в неделю, записывал: родилось, пало, забито. Жалость при забое давно перестал чувствовать — она не лечит и не кормит. Но крольчат — с закрытыми глазами, прозрачными ушами — иногда разглядывал лишнюю минуту. Не как ветеринар. Как человек, которому нужно видеть, что-то маленькое живёт.

Козы — две, чёрные, с жёлтыми глазами. Бодались, если подходил слишком быстро.

— Ну и характер. С вами только по-хорошему.

Одна коза фыркнула. Он фыркнул в ответ. Иногда это помогало. Иногда нет. Но он всё равно делал так каждый раз — будто в этом был свой маленький ритуал.

Коровы на тринадцатом — две, крупные. Копыта на бетоне росли криво, он обрезал их вручную, ножом. Корова стояла смирно, будто понимала: это нужно.

— Хорошая девочка. Терпи.

Корова мычала. Не протестовала — подтверждала.

Шмыгу Лари обычно находил между пятым и четвёртым этажами. Этот кот жил у Луизы и Марка, спал в коробке с одеялами возле кровати Леона, а днём свободно бродил по бункеру. Леон обожал кота, и тот это знал: каждый вечер Шмыга возвращался к мальчику, устраивался под боком и мурлыкал, пока они оба не засыпали. Но днём кот был сам себе хозяин.

— Ну что, кот, проверим уши. Не благодари, — говорил Лари.

Шмыга терпел с видом оскорблённого императора: не мяукал, не вырывался, но смотрел так, словно всё запоминал. Лари ставил кота на пол, и тот медленно, с достоинством удалялся, не оглядываясь.

К концу дня Лари сидел в ветеринарном кабинете, перебирая медикаменты и делая записи в журнале. Тетрадь в клетку, аккуратный почерк. Без записей ветеринар — не ветеринар, а слепой врач в подземном городе — просто риск. Буч лежал под столом, Грей дремал у стены. Они следовали за Лари весь день.

Дверь мягко скрипнула. На пороге стояла Карина с двумя кошками из котельной, из прошлого бункера. Они стали спокойнее и красивее.

Лари приподнял бровь, но ничего не сказал. Только кивнул на стол:

— Садись. Посмотрим.

Карина села, будто только сейчас выдохнула. Рыжая прижалась к её руке, серая забилась в угол. Лари начал с рыжей — провёл пальцами по бокам, животу, лапам.

— Уши чистые. Глаза чуть воспалены, дам мазь. Шерсть сухая, нужны витамины. Всё в порядке, — сказал он, осторожно ощупывая живот.

— Они дикие, — тихо заметила Карина. — Серая не даётся.

— Дикая кошка — та, что не сидит на руках. А эти выбрали тебя. Ты прошла испытание.

Серая кошка зашипела, но тихо, словно для приличия. Лари не обратил внимания. Он положил руку ей на спину и подождал. Через минуту животное успокоилось.

— Разлучать их не стоит. Они похожи не внешне, а поведением.

— Я и не собираюсь, — тихо ответила Карина.

Лари достал мазь, таблетки и шприц. Говорил спокойно, без спешки:

— Мазь под веко по утрам. Таблетки в еду. Если не будут есть — разотрём в порошок, добавим воды и введём медленно. Через неделю придёшь.

Карина собрала кошек. Рыжая устроилась на её плече, серая свернулась клубочком на руках.

— Лари, спасибо. Я думала, ты скажешь, что они лишние.

Лари едва заметно улыбнулся, так редко, что улыбка стоила десятка обычных.

— Не скажу. Кошки — это тепло, которое само приходит. В бункере это большая ценность.

Она задержалась на пороге, будто хотела добавить что-то, но передумала. Кивнула, крепче прижала кошек к себе и вышла. Лари долго смотрел на закрывшуюся дверь, прежде чем вернуться к журналу.

Записал: «Две кошки — рыжая и серая — из котельной. Воспаление глаз. Назначено лечение. Повторный осмотр через неделю».

Но в голове Лари осталось другое: как Карина выдохнула, когда села. Как внимательно слушала его, не перебивая. Как задержалась на пороге. Он понял, что она ему нравилась.

Карина вернулась домой, заперла кабинет, включила лампу и подошла к книжному шкафу. Там была дверь с ключом. Квартира была удобной: ванная, туалет, кухня. На кухне стоял столик и два кресла, одно из которых было покрыто коричневой шерстяной накидкой. Обои Карина поклеила сама — зелёные, с узором.

Лукас принёс пионы. Сперва она просто заглянула на ферму и задержалась у стеллажа, потрогав лист. Лукас заметил это и срезал три стебля.

— Попробую вырастить ещё, — сказал он. — Если пойдут, принесу.

Пионы выжили. Не все, но те три, что были, оказались розовыми, чуть бледными. Карина поставила их в вазочку и меняла воду каждый день. Она любила пионы не за красоту, а за их медленный, но полный распускания процесс.

Спальня была уютной: кровать, тумбочка, лампа. Ещё одна комната оставалась пустой. В ней стояли серый диван и тумбочка. Карина не знала, для кого она предназначена. Возможно, для кошек — для них она уже сделала лежанки и домики из картона и одеял. Кошек она назвала Тося (рыжая) и Смоки (серая). Они постоянно менялись домиками, и Карина не успевала запомнить, кто где живёт.

На полке в углу стояли камни: маленький тёмно-красный рубин, крупный янтарь с мушкой и бледно-лиловый аметист с прожилками. Карина собирала их до всего этого: на пляжах, в горах, просто на улице. Она не покупала их, а находила. И каждый раз помнила, где и когда подобрала камешек — будто в нём застыл тот самый день.

Карина опустила в кресло, сняла очки, протёрла их краем накидки и снова надела. Тося забралась к ней на колени и свернулась клубочком. Смоки вышла из своего домика, подошла к хозяйке, обнюхала её ногу и улеглась рядом, у самых ступней.

Карина задумалась о Лари.

Она думала об ощущении, которое он вызывал. Его руки — спокойные, уверенные, никогда не дрожавшие. Как он осматривал Тосю: пальцы скользили по бокам, животу, лапам. Он делал это бережно, без суеты, как будто кошка была для него самым важным в тот момент. Будто торопиться было некуда.

«Ты прошла», — сказал он. Эти два слова заставили Карину выдохнуть так, словно она не дышала целый день.

Лари ей нравился. Не внезапно и не остро, а тихо, как что-то важное, что становится очевидным раньше, чем ты осознаёшь это. Она не знала его раньше.

Говорил мало, но каждое его слово попадало в цель. И он не считал кошек или Карину чем-то лишним.

Она задержалась на пороге, не сказав того, что хотела. Но что именно она хотела сказать, не знала. Она просто стояла и смотрела, как Лари чуть улыбнулся. Эта улыбка стоила десятка обычных.

Тося мурлыкала у неё на коленях, а Смоки дремала у ног, наблюдая за хозяйкой своими жёлтыми глазами.

Карина закрыла глаза.

Вивьен она знала ещё со времён университета. Они вместе учились на журналиста, вместе сидели на задней парте, вместе ругались из-за дедлайнов, вместе пили дешёвый кофе и спорили о том, что честная журналистика — это не миф, а тяжёлая работа. Вивьен была её лучшей подругой. Единственной, пожалуй. Не потому что другие ей не нравились — просто с Вивьен ей не нужно было притворяться.

Однажды, ещё до катастрофы, к ним привязался бандит. Это было вечером на улице. Он достал нож, угрожал, всё как в плохом кино. Карина не раздумывая шагнула вперёд, закрыла собой Вивьен и что-то грубо и быстро сказала. Бандит замешкался, а потом убежал. Вивьен стояла молча, белая как мел. Карина, с трясущимися руками, улыбалась, не зная, что ещё делать.

С тех пор Вивьен не отпускала её от себя. Виктор Стоун — отец Вивьен, доктор наук — построил этот бункер ещё в молодости, проводил эксперименты и изучал, как люди живут под землёй. Когда он собрал людей и повёл их сюда, Карина была рядом с Вивьен. И сейчас она оставалась рядом.

Карина уважала Вивьен не за власть, а за то, что она не сломалась, когда её отец заболел. За то, что каждый день поднималась и делала то, что было нужно. За то, что не жаловалась. За то, что говорила: «Это не просьба» — это значило: она доверяла Карине настолько, что не просила, а просто говорила прямо.

Виктор Стоун был любим всеми. Он спасал людей по-настоящему, а не как в фильмах или книгах. Он собрал людей, увёл их под землю, дал им стены и тепло. Карина помнила, как он стоял у входа, перекрикивал шум, спрашивал имена. Спокойный, седой, с руками инженера. Он не произносил речей, он просто делал.

Теперь он был болен. Вивьен носила его значок мэра, и Карина каждый вечер видела, как подруга заходит к отцу, а выходит тише, чем вошла.

Карина открыла глаза. Тося уже спала. Смоки, напротив, не спала — её жёлтые глаза внимательно смотрели на хозяйку.

— Что? — спросила Карина. — Скажешь, что я слишком много думаю?

Смоки моргнула. Карина улыбнулась.

Она встала, аккуратно уложила Тосю на лежанку и пошла в спальню. Включила лампу, которая давала мягкий свет. На столе стояли живые пионы — розовые, немного блёклые. Книга лежала с закладкой на 43-й странице, но Карина её не открыла. Она легла в постель и задумалась о Лари.

Вспомнила, как он сказал: «Садись, посмотрим». Она села, и впервые за долгое время кто-то увидел её просто как человека. Его руки, когда он ощупывал Тосю бережно и медленно, как будто никуда не торопился. Карина подумала: если бы он положил руку ей на спину и не убирал её, она бы тоже замолчала.

Его голос был ровный и тихий. Каждое слово звучало честно, просто и без давления. Его редкая улыбка стоила больше, чем десяток обычных. Карина смотрела на его улыбку и думала: вот это и есть тепло, которое можно получить просто так.

Жизнь шла своим чередом, несмотря на суровые зимы и экстремальные температуры. В подземном убежище с комфортной температурой персонал решал важные задачи. Вивьен, понимая неизбежность перемен, думала о будущем: «Завтра новый день». Она верила, что человечество преодолеет климатические трудности. Вивьен была уверена в преемственности поколений. Она считала, что если не их время, то, возможно, будущие поколения найдут выход из сложной ситуации.

Вивьен уснула с мыслями о будущем. Лампы горели ровным тёплым светом, и где-то в глубине бункера ровно гудел генератор — её колыбельная, монотонная и спокойная. Она спала крепко, без сновидений, с тихой улыбкой на губах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.